

«Об одном символе»: истоки и параллели.
Статья первая. О смыслах имен.
С.Н. Дурылин и Вяч. И. Иванов

Анна И. Резниченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, annarezn@yandex.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу основных онтолого-эстетических понятий в теоретических работах С.Н. Дурылина 1920-х гг.: «realia», «realioga», «correspondences / соответствия», «specificum» и «символ». Показываются истоки такой терминологии; в частности, зависимость онтологических градаций в статьях С.Н. Дурылина 1920-х от терминосистемы работ Вяч. И. Иванова 1900–1910-х гг. и особенно – статьи «Две стихии в современном символизме» и дискуссии вокруг нее. Анализируется проблема типологизации категории «символ» в русской философской культуре Серебряного века.

Раскрывается взаимосвязь между латинизированными формами онтологических категорий, характерных для языковой культуры Серебряного века, – и классическими философскими терминами русского философского языка: такими как «бытие» и «небытие». Рассматривается дальнейшее развитие теории символа. Сопряжение понятий *realia* и *specificum*, с одной стороны, – и понятий *realioga* и *ens realissimum*, с другой стороны, переходящих в 1920–1930-е гг. из словаря средневековой схоластики в актуальный философский язык, с понятиями «телесного» и «духовного» (*spiritual*) – выявляют еще одно – антропологическое измерение категории символа, характерное в эти годы не только для русской, но и для всей европейской философской культуры.

Ключевые слова: онтология, антропология, эстетика, символ, *realia*, *realioga*, *specificum*, *correspondance*, Вяч. И. Иванов, С.Н. Дурылин, Ф.М. Достоевский, Ж. Маритэн

Для цитирования: Резниченко А.И. «Об одном символе»: истоки и параллели. Статья первая. О смыслах имен. С.Н. Дурылин и Вяч. И. Иванов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 33–50. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-33-50

“About a Symbol”: genesis and parallels.
Article one. About the meanings
of names by S.N. Durylin and Vyach. I. Ivanov

Anna I. Reznichenko

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, annarezn@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the main ontological and aesthetic concepts in the theoretical works of S.N. Durylin in 1920s: “realia”, “realiora”, “correspondance / concordance”, “specificum” and “symbol”. The origins of such terminology are shown; in particular, the dependence of ontological gradations in S.N. Durylin’s articles of 1920s on the terminology of works by Vyach. I. Ivanov of 1900–1910-ies, and especially – the article “Two Elements in Contemporary Symbolism” and the discussions around it. The issue of typologization of the category “symbol” in the Russian philosophical culture of the Silver Age is analyzed.

The article reveals the relationship between the Latinized forms of ontological categories the language culture of the Silver Age – and the classical philosophical terms of the Russian philosophical language: “bytie” / “nebytie” (being / non-being). The subsequent development in the theory of the symbol is considered.

Conjugation of the concepts of *realia* and *specificum* – and the concepts of *realiora* and *ens realissimum*, passing in the 1920–1930s. from the dictionary of medieval scholasticism into the timely philosophical language, with the concepts of “corporeal” and “spiritual” (spiritual) – reveal yet another – the anthropological dimension of the category of the symbol, characteristic in those years not only for Russian, but for all European philosophical culture.

Keywords: ontology, anthropology, aesthetics, symbol, realia, realiora, specificum, correspondence, Vyach. I. Ivanov, S.N. Durylin, F.M. Dostoevskii, J. Maritain

For citation: Reznichenko AI. “About a Symbol”: genesis and parallels. Article one. About the meanings of names by S.N. Durylin and Vyach. I. Ivanov. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series.* 2018;4(14):33-50. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-33-50

Введение

Знаменитая дурьлинская работа «Об одном символе у Достоевского» была написана на основании одноименного доклада, прочитанного в Государственной академии художественных наук (ГАХН) 25 апреля 1926 г. Историю первой публикации текста, и в особенности – цензурных изъятий, – поясняет надпись С.Н. Дурьлина

1940 года на с. 198 оттиска «Символа» из собрания М.А. Колерова, выявленная в сентябре 2012 г.¹:

Это читано в Академии художественных наук, в Комиссии по изучению Достоевского в сезон 1926–1927 гг., и напечатано, с искажениями, в сборнике «Достоевский». Издание Академии XII. 1929. Особенно, до неузнаваемости, искажены в корректуре стр. 184–185, 190 («примечание» занимало центральное место в тексте), 194 и др. Из текста вовсе выпала песнь о «Свете Тихом», которая является ключом к познанию закатных символов в «Подростке», «Идиоте» и «Карамазовых» <...>. [1 с. 199]

Действительно, песнопение «Свете Тихий», являющееся неотъемлемой частью вечернего богослужения, напрямую не упоминается в опубликованном варианте текста ни разу. Однако символический ряд песнопения пронизывает весь дурылинский «опыт тематического обзора». Важнейший для этого текста символ – это символ заходящего солнца. Одно из воплощений его в культуре Нового времени – знаменитый «Морской пейзаж с Ацисом и Галатеей» Клода Лоррена, значимый для Ф.М. Достоевского – непосредственного героя дурылинской статьи. Фотографическая копия «Морского пейзажа» была передана в середине 1920-х годов Дурылину его другом, П.П. Перцовым, непосредственно перед подготовкой доклада. Она, как и песнопение «Свете Тихий», послужила лейтмотивом и, если угодно, *символом, знаком или эмблемой* для «Об одном символе у Достоевского». Этот сюжет будет детально рассмотрен в следующей статье; нам же сейчас предстоит разобраться с тем, что такое *символ вообще* – тем более, что в первой, нумерованной главе «Одного символа» автор дает нам ключ к пониманию того, что для него есть *символ* и какое место занимает символ в иерархии бытия, в той онтологической градации, которую отображает художественное произведение.

По мысли Достоевского, недостаточен тот метод, который знает одну только область действительности – область бытования и бывания². Всякое, хотя бы самое исчерпывающее, касание к ней с этим методом может привести художника, в лучшем случае, только к психологическим проекциям человека, недостаточным именно потому, что художественная антропология не должна довольствоваться

¹ См.: [1]. Сейчас этот экземпляр – в коллекции «Мемориальная библиотека» МБУК МОК, отд. «Мемориальный дом-музей С.Н. Дурылина». Статья републикована нами по правленому авторскому оттиску первого издания из собрания ГПИБ: [2].

² Разрядка С.Н. Дурылина.

одной психологией, но неизбежно требует и своей онтологии. Но онтология может иметь место лишь там, где художник за мелькающими обликами бытования и бывания видит и умеет обрести в своем искусстве прочную область бытия <...>.

И Достоевский, и Тютчев были *символистами* (курсив мой. – А. Р.) в смысле искания более углубленного постижения «реального» <...>. Поэтому самая точная формула *символического искусства* из всех, когда-либо предложенных, – *A realibus ad realiora*, – есть формула реализма; она объемлет именно то, что хочет сказать Достоевский. Действительность и ведающий ее реализм Писемского и Гончарова – это *realia*. Но Достоевскому этого мало: он идет *ad realiora* <...> [2 с. 776–777].

К середине 1920-х годов Дурылин оказался в ситуации культурного разрыва, который был неизбежен после «философского парохода» 1922 г. Значительная часть мыслителей, с которыми он мог обсуждать то, что его интересовало (включая, помимо всего прочего, и проблему символа), уехала из России. Из тех, кто остался и кто был интересен и близок Дурылину еще с периода «Пути» и «Мусагета» (к примеру, А.А. Сидоров, Г.Г. Шпет или А.Ф. Лосев), во многом сконцентрировались вокруг Государственной академии художественных наук, ставшей положительным полюсом магнита отечественной философской культуры. Проблема символа активно обсуждалась и в ГАХНе. Другое дело, что, говоря о Достоевском и выступая «по социологическому отделению»³ ГАХН, мыслитель соблюдает крайнюю осторожность при употреблении слов-маркеров, указывающих на его причастность к дореволюционной культуре: так, ключевой сюжет дурылинского творчества 1910-х годов – сюжет Незримого Града, его зыскующих и его зыскания – не мог напрямую присутствовать в риторике 1920-х годов. Однако мы, сегодняшние читатели Дурылина, вполне можем деконструировать эту вынужденную осторожность – и разобраться, что хочет сказать и с кем себя соотносит Сергей Николаевич Дурылин. Эта деконструкция (и последующая «пересборка смыслов») является *целью* настоящей статьи.

Однако ни эта деконструкция, ни эта пересборка невозможны без пристального рассмотрения некоторых имен и терминов. *Бы-*

³ Дурылин был научным сотрудником не филологического или философского, а социологического отделения ГАХН, хотя постоянно делал доклады на заседаниях соответствующих секций. См. об этом: [3 с. 865–866]. Однако его работы этого периода – это не совсем работы по литературной или художественной критике или истории живописи и литературы. Во всяком случае, они значительно расширяют границы литературной и художественной критики этого периода, а также нашего представления о ней.

вание, бытование, бытие; *realia, realiora, specificum, correspondance* – суть имена, т. е. такие слова, которые больше, чем просто слова. Кажется, они живут своей самостоятельной жизнью в различных текстах одного временного и семантического поля и имеют свою историю и судьбу⁴. В свое время В.П. Визгин удачно реконструировал слои дурылинской онтологии [4]. Это собственно бытие (как верхний полюс бытия), бывание – бытование (как промежуточные звенья) и нижний полюс – небытие. Эта риторика присутствует и в «Одном символе», что прекрасно видно в процитированном выше отрывке. Однако целый ряд терминов дурылинского философского языка остался непроясненным. Итак, проследить движение от *realia* к *realiora* и обратно через *specificum*, через «я есмь» эстетического высказывания – к *correspondances*, соответствиям, составляет сопутствующие задачи, необходимые для достижения цели.

Проблема символа и его типологизации

Однако имеет смысл сказать о самой проблеме символа и о том месте, которое занимает категория символа в русском философском языке первой трети XX в. Несмотря на то, что литература вопроса о том, что такое *символ* у Вяч. Иванова, у А. Белого, у Д.С. Мережковского, у А.Ф. Лосева, у П.А. Флоренского, у С.Н. Булгакова и т. д., занимает десятки страниц, мы вынуждены согласиться с выводами серьезного специалиста по культуре Серебряного века Д.М. Магомедовой о том, что «до сих пор не существует ни одной (курсив мой. – А. Р.) работы, в которой бы ставилась задача сравнительного анализа и классификации теорий символа у символистов. В лучшем случае на материале нескольких репрезентативных цитат выделяются два направления: понимание символизма как художественного метода (В.Я. Брюсов), а символа – как категории поэтики, тропа, знака, художественного приема и понимание символизма как жизнетворчества, а символа – как категории религиозно-философской или мифопоэтической. Однако ни в одной работе эта в целом совершенно правильная классификация не сопровождается развернутой сравнительной характеристикой конкретных высказываний в теоретических статьях символистов и их последовательным соотношением с художественными текстами, на которые

⁴ Резниченко А.И. Имена, поджидающие за поворотом. Интервью А.В. Маркову для «Русского журнала» // Русский Журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/Imena-podzhidayuschie-za-povorotom> (дата обращения 1 нояб. 2018 г.).

эти концепции символа опираются» [5 с. 9]. К сожалению, хотя бы элементарного синопсиса, свода дефиниций того, что понимается под символом, в современной историко-философской литературе, относящейся к философской культуре Серебряного века, также нет. Поэтому, быть может, в качестве рабочей гипотезы можно выдвинуть следующую дихотомию, в целом не противоречащую той, которую замечает Магомедова. Первая часть этой дихотомии – это «символ как разделенная половина»⁵ или «символ как прием», для которых характерны отсутствие иерархии, *однорядность* символизирующего с символизируемым – либо творческий верифицируемый *метод* символиста. Вторая часть – это «символ как указание на что-то другое», будь то «касания мирам иным» или «глубины сатанинские».

Следует заметить, что одной из первых попыток типологизации категории символа, относящихся к самому периоду формирования и расцвета культуры символизма, является знаменитая статья Вяч. Иванова «Две стихии в современном символизме» (1909), где обозначены два направления и два пути развития символизма: это символизм реалистический, направленный на принятие иных «реалий», «принцип озаменовательный, принцип обретения и преобразования вещи, <...> утверждение вещи, имеющей бытие; здесь – вещи, достойной бытия» [6 с. 546]⁶ – и символизм идеалистический, проекция внутреннего «я», психологического я – вовне («...с другой – принцип созидательный, принцип изобретения и преобразования <...> утверждение вещи, <...> достойной бытия» [6 с. 546]).

И наконец, в исчерпывающей формулировке:

В реалистическом символизме – символ, конечно, также начало, связующее отдельные сознания, но их соборное *единение* достигается общим мистическим лицезрением *единой* для всех, *объективной*

⁵ См., напр., определение этого слова, публикуемое на обложке каждого номера известного философско-богословского журнала «Символ»: «Слово “символ” происходит от греческого “составляю”, “соединяю”. В Древней Греции существовал такой обычай: друзья, расставаясь, брали какой-нибудь предмет (глиняную лампадку, статуэтку или наощенную дощечку с какой-либо надписью) и разламывали его пополам. Каждый брал себе половину. По прошествии многих лет эти друзья или же их потомки при встрече узнавали друг друга, убедившись, что обе части, соединяясь, образуют единое целое – СИМВОЛ».

⁶ См. две следующие за этим различием главы: «V. Реалистический символизм» и «VI. Идеалистический символизм». См. также важные публикации Е.В. Глуховой, позволяющие реконструировать дискуссию вокруг статьи «Две стихии...» в 1908–1910 гг.: [7], [8].

сущности. В идеалистическом реализме символ есть условный знак, которым обмениваются заговорщики индивидуализма, *тайный знак, выражающий солидарность их личного самосознания* (здесь и далее курсив мой. – А. Р.), их субъективного самоопределения. <...>

<...> Религия есть связь и знание реальностей. Сближенное *магии символа* с религиозной сферой, искусство неизбежно подпадет соблазну облечения в гиератические формы иррелигиозной сущности, если не поставит своим лозунгом лозунг реалистического символизма и мифа: *a realibus ad realiora* [6 с. 552, 561].

Как видим, с первых же строк обзора Дурылин вводит ивановские термины, и в частности ключевую формулу «*a realibus ad realiora*», не говоря, правда, ни слова о Вячеславе Иванове. Дурылину очень важно, не указывая прямо⁷, подчеркнуть терминологическую зависимость «Одного символа» от «Двух стихий». Еще одна, но уже не терминологическая, а скорее, историко-культурная завуалированная отсылка к Вячеславу Иванову (через Гёте) встречается на первых страницах «Об одном символе...»: «*Прекрасное есть обнаружение тайных законов природы*» [2 с. 777]. Именно такую формулировку гетевской цитаты из работы «Изречения в прозе» (рус. пер. 1885) приводит Вяч. Иванов в статье «Гёте на рубеже двух столетий» (1912): «Если изучение природы, как мы видели, неразрывно связано было для Гете с моментом религиозного сознания, то столь же органически сочеталось оно в нем и с его художественным творчеством. Он сам говорит в своих “Изречениях в прозе”: “Прекрасное есть обнаружение тайных законов природы, которые без его выявления остались бы для нас вечно сокрытыми”» [9 с. 142].

Но это не буквальное повторение ивановских терминов; скорее, это их дальнейшее развитие. В статьях и исследованиях 1920-х годов, в том числе и периода ГАХН («Репин и Гаршин», «Александр Добролюбов», «Бодлэр в русском символизме» и др.). Дурылин очень бережно выбирает и интерпретирует те *имена*, которые выбирает Иванов и в «Двух стихиях», и в ряде других работ 1900–1910-х годов. Если исходить из ивановской типологии, Дурылин в своем тексте 1926 г., безусловно, символист, причем символист первого, «реалистического» типа. Реальное («*объективная сущность*») для него универсально и едино, а символ – это нечто такое, что соединяет разные слои бытия.

⁷ Напомним, что в это время Вяч. Иванов уже находился в Риме, и публичное (и печатное) упоминание его имени было по понятным причинам затруднительно.

Вяч. Иванов: «Символизм» и «Simbolismo»

В 1936 г. Вячеслав Иванов пишет статью на итальянском языке под названием «Simbolismo» («Символизм») для «Enciclopedia Italiana» Istituto Giovanni Treccani. И в итальянской версии, и в русском переводе, выполненном О.А. Шор, она была опубликована во втором томе брюссельского «Собрания сочинений» [10]. 1936 год – это уже довольно поздно для формулирования символистских программ и выдвижения символистских гипотез, но самое время для саморефлексии и подведения итогов – тем более что, как пишет О. Дешарт, больше Иванов до конца своих дней не обращался к теме символизма и не пытался теоретизировать на эту тему [11]. Поскольку статья «Символизм» – энциклопедическая, то по законам жанра она должна дать целостный обзор традиции всей, а не только русской традиции символизма – что Иванов и делает. Совершенно очевидна зависимость статьи 1936 г. от «Двух стихий...»: Иванов практически полностью повторяет свое разделение на два типа символизма. Он говорит о реалистическом символизме, который ориентирован к мифу, подчеркивая философский характер категории «реализм» («Реалистический символизм признает символом всякую реальность, рассматриваемую в ее сопряженности с высшей реальностью, т. е. более реальной в ряду реального» [10 с. 664–665]) – и символизм идеалистический, который здесь прямо именуется символизмом субъективистическим [10 с. 665]. Другое дело, что в «Двух стихиях...», да и вообще во всем комплексе работ 1910-х годов, связанных с концептуализацией понятия «символизм», которая происходила в дискуссии и с Андреем Белым, и с другими представителями культуры символизма⁸, – работа по определению этого термина не была завершена. На наш взгляд, отчетливая концептуализация была завершена уже не поэтами, но философами, и прежде всего П.А. Флоренским, которому удалось дать в русском философском языке исчерпывающую дефиницию того, что же такое символ, – и даже попробовать создать свой «Симболариум». Только в «Имеславии как философской предпосылке» определение символа – через использование понятий сущности и энергии, каждое из которых в русском философском языке имеет свою непростую судьбу, – приобретает чеканную формулировку:

Бытие, которое больше самого себя, – таково основное определение символа. Символ – это нечто являющее собою то, что не есть он сам, большее его, и однако существенно чрез него объявляющееся. Раскрываем

⁸ См.: [8].

это формальное определение: символ есть такая сущность, энергия которой, сращенная или, точнее, срастворенная с энергией некоторой другой, более ценной в данном отношении сущности, несет таким образом в себе эту последнюю. Но, неся сущность в занимающем нас отношении более ценную, символ, хотя и имеет свое собственное наименование, однако, с правом может именоваться также наименованием той, высшей ценности, а в занимающем отношении и должен⁹ именоваться этим последним [12 с. 257]

Однако «Имеславие...» – текст 1922 г. – был написан «в стол» и увидел свет задолго после смерти автора, а значит – не был включен в современный ему исследовательский дискурс и не мог быть известен ни Иванову, ни Дурылину. Им обоим пришлось идти своими путями.

* * *

Итак, в 1936 г. Иванов пишет о символизме для итальянцев. Ему важно реконструировать не только традицию *новоевропейского* символизма – но и дать впервые самописание традиции символизма *русского* и найти свое место в этой традиции. Ситуация Иванова не является уникальной: в 1930–1950-е годы с разных позиций будут складываться различные самописания русской философии (наиболее авторитетные – Г.В. Флоровского, В.В. Зеньковского и Н.О. Лосского) с целью найти там *себя* и осознать свое собственное место в выстраиваемой традиции (или же не найти, как случилось с Г.В. Флоровским) – и соотнести ее с традицией европейской. То же самое происходит и с Ивановым, и здесь важно зафиксировать и линии повторений этих соотнесений, и новые связи. Так, Иванов в 1936 г. практически ничего нового для себя не говорит, говоря о Бодлере, Верлене, Гюисмансе, Роденбахе, Малларме и Метерлинке, повторяя себя образца 1909 года.

Забавным маркером служит здесь имя Габриэле д'Аннуцио, автора, второстепенного для Иванова в 1900-е годы – но важного для итальянской энциклопедии Грессани. Здесь характер оценки меняется на прямо противоположный. Так, если в Экскурсе I к «Двум стихиям...» «О Бодлэре и Гейсмансе» Иванов говорит о том, «как величавы эти кораблекрушения живых в сравнении с благополучными плаваниями раскрашенных гробов торжествующего “модернизма” <...>, – или упоенного своим и своего отечества нарумяненным великолепием Габриэле д'Аннунцио, громоздкие сооружения

⁹ Разрядка П.А. Флоренского.

которого напоминают колоннады национального памятника Виктору-Эммануилу, раздавившие Капитолий и Форум [13 с. 565], то в «*Symbolismo*» он пишет о нем так: «Почти то же самое можно утверждать относительно Италии времени *Cronaca Bizantina* и Д'Аннунцио, причисляемого к писателям национальной традиции не только за его культ старинного, чистого языка, но, главным образом, за его реализм, естественно вытекающий из любви к родине и из веры в ее будущие судьбы [10 с. 666]». Безусловно, эта оценка тоже есть «вынужденная осторожность», необходимость приспособляться к господствующему дискурсу фашистской Италии 1936-х гг.

А что же у нас с понятием реального, с теми самыми *realia* и *geologia*, со ступенями онтологических градаций, о которых мы вели речь? Поскольку для Иванова это уже стадия не первичного проговора онтологической интуиции, а стадия рефлексии и саморефлексии, то уместно призывать на помощь иные авторитеты, нежели друзья и соратники по символистскому кругу, – а авторитеты, важные для европейского культурного сознания 1930-х годов. И потому мы не будем удивлены, когда, говоря о реалистическом символизме, к представителям которого Иванов причисляет и себя, и для того, чтобы концептуализировать понятие «символизм», Иванов ссылается на философа-неотомиста Жака Маритена и, в частности, на его работу конца 1910-х гг. (опубл. отдельной книгой в 1920-м) «*Art et Scolastique*», гораздо больше известную на тот момент итальянскому читателю, чем читателю русскому:

Символизм реалистический ищет в вещах знак их онтологической ценности и связи, т. е. *realia in rebus*. Стремится посредством такого изображения мира, привести того, к кому он обращается а *realibus ad realiora*, осуществляя таким образом по-своему аналогический завет средневековой эстетики. <...>; реалистический символизм можно еще определить «узрением духовного в чувственном, выраженного посредством чувственного»¹⁰, как Ж. Маритэн (*Art et Scolastique*) определяет поэзию вообще в своих размышлениях над произведениями Поль Клодэля, символиста-реалиста [10 с. 665].

¹⁰ Итал.: «...divinazione dello spirituale nel sensibile, espressa per mezzo del sensibile» [10 с. 657]. В переводе «Искусства и схоластики», выполненном Н.С. Мавлевич и В.П. Гайдамака, фрагмент с Полем Клоделем и, следовательно, важное для нас терминологическое определение отсутствует: перевод выполнен по четвертому изданию [14 с. 543], возможно, Вяч. Иванов, очевидно, пользовался одним из первых, например [15]. Тем не менее у Маритена есть своя концепция символа, изложенная, скажем, в «Величии и нищете метафизики», и кроме того, известны письма Вяч. Иванова к Маритену; правда, более позднего периода (см.: [16]). Изучение этого сюжета вполне может стать предметом отдельного исследования.

Иными словами, реалистический символист – это тот, кто, не гнушаясь и не отрицая чувственное, «зрит» в духовное в чувственно-телесном, а символ – это выражение духовной области реальности в чувственном, данное через тончайшие и нежнейшие определения чувственного. Это – уже не та дихотомия, которая была обозначена нами в начале статьи. Это скорее онтологическое движение «сверху – вниз», и это не просто луч, который пронзает все слои бытия от *ens realissimum* (что логично для Маритена) до *realia*. Это еще и то, что позитивно, симпатично, душевно – обнаруживается в чувственно-телесном. Чувственно-телесное здесь не играет роли чего-то негативного, как хотелось бы неоплатонику. Как раз нет. Символ – это то, что существует предвечно, но выражается в звуках, красках, цветах, ароматах; и человеку дано разгадать эти знаки и понять их язык. Это и есть *correspondance*. Иными словами,

...символы никак не являются условными человеческими измышлениями; они выявляют во Вселенной, живой всецело, предмирные знаки, вчekanенные в сокровенную сущность вещей, и как бы тайный язык, посредством которого осуществляется общение бесчисленных душ, сродных друг другу, но разъединенных характером и особенностями существования и принадлежностью к разным кругам творения [10 с. 664].

Выстраивая, как ему кажется, впервые, традицию русского символизма, Иванов включает в нее своих друзей и недругов, начиная от Мережковского и Гиппиус (что вполне естественно), вспоминает Коневского (Ореуса), тогда уже в России совсем забытого; он подключает к этому контексту Максимилиана Волошина (как пишет Ольга Дешарт, это имя по техническим причинам выпало из опубликованной версии «*Symbolismo*» – и было затем восстановлено ей в брюссельском издании); он вспоминает Андрея Белого – своего оппонента в дискуссии вокруг «Двух стихий...»; он говорит о Владимире Соловьеве как о поэте и как о метафизике – и говорит о том, что первыми символистами были – на самом деле – Тютчев и Достоевский.

Сергей Дурылин: realia, specificum, correspondances
(вместо Заключения к Статье первой)

Однако вернемся обратно к Дурылину, к тому, что происходило десятилетием раньше в Москве. Дурылину тоже приходится выстраивать традицию русского символизма, и показательно, что в 1920-е годы он выбирает те же имена, что в 1930-е Иванов:

Гиппиус, Белый, Коневской, добавим сюда столь же прочно забытого к тому времени Александра Добролюбова. Для Дурылина, как и для Иванова, первыми символистами являются Тютчев, которого он очень любит, которому посвящает «Тютчева в музыке», который долгое время является предметом его философской рефлексии и точно так же – Достоевский.

В работах 1920-х годов, в том числе – в «Одном символе у Достоевского», Дурылину важно увидеть «просвечивающие» символы в формах *realia*, чувственно-телесного. Но еще важнее – и зафиксировать значения этих символов. Очевидно, что Дурылин не мог читать Маритэна – но у него была хорошая католическая философская культура из-за любви к антиподу св. Фомы – св. Франциску Ассизскому. Вполне может быть, что эта интуиция – общекатолическая, да и общехристианская в XX в.: низший слой бытия – *realia* – не отрицается, но является симпатично-душевно-телесной основой символизации высшего бытия. Это – радостная улыбка телесности навстречу человеку, если через нее просвечивает, или, как сказал бы Дурылин, цитируя Тютчева, «сквозит и тайно светит», луч, идущий от *ens realissimum*¹¹.

Итак, посмотрим, на основе всего вышесказанного, как «работают» в дурылинских текстах 1920-х годов важнейшие для культуры символизма термины: *realia, specificum, correspondances*:

а) *realia* (позднелат.) – сфера вещей; термин, восходящий к основному тезису средневекового реализма: «*universalia sunt realia*» («общие понятия вещественны»). В философском языке XX в. термин объективируется, становясь из прилагательного существительным. Ключевое понятие онтологии Дурылина; в целом соответствует категории «бывания» и сопоставимо с категорией «действительности» в «Непостижимом» С.Л. Франка: «*Всякий символ, по существу, ведет а realibus ad realiora*. Но, ведя к миру *realiora*, символ всегда и неизбежно пользуется плотью многообразных земных “*realia*”: явлений и вещей» [17 с. 709]. Отсюда следует, во-первых, что сфера *realia* («плоть») – необходимый уровень, или слой бытия, без которого невозможно подлинное во-площение символа, и во-вторых, поскольку *realia* *вещны, телесны* – они множественны и многообразны; *многосложны*: «Многосложные *realia* Достоевского часто воплощаются в исследуемый символ, как в завершительное – *realiora*» [2 с. 778]. Поэтому ясно, что при описании этого слоя бытия невозможно пользоваться общими местами и общими понятиями: они тут не работают.

¹¹ Показательно, что, в отличие от Вяч. Иванова, Дурылин (как и прот. С.Н. Булгаков в «Главах о Троичности» и «Агнце Божиим»), этот термин употреблял.

Нужно действительно уметь чувствовать, ощущать и фиксировать в слове эту «плоть мира». Символ (*realiora*), как «завершительное» «реалий», работает скорее как единая энтелехия «плотскости» многих плотей и вещности многих вещей;

b) *specificum* (лат.) – специфическое, видовое. На языке Дурылина – уникальное, присущее только этой вещи, этому объекту, этому человеку; то, что отличает одно от другого, одну вещь – от другой, и не позволяет хаотической и бесформенной «плоти» слиться воедино; своего рода граница – и еще одна возможная грань символа. Так же, как и *realia*, – прилагательное, играющее роль существительного, термина. Может иметь отношение к сфере *realia*, но чаще применимо к совершенно особой области, формируемой уже человеком и невозможной без творческого участия человека и проекции его субъективности, – сфере культуры. «...Она [противоположность] – в том забвении этими художниками некоего живописного *specificum*, особого “я есмь” религиозного искусства, которое возводит их полотна (конечно, искренние и замечательные), до холода “исторической живописи”» [18 с. 600]; «...живопись и литература, в сознании Стасова и Михайловского, ничем, по существу, друг от друга не отличаются, не имеют никакого *specificum* каждая для себя; они – нечто единое и переход от живописи к литературе неощутим: то, что в живописи, то самое есть и в литературе» [20 с. 737]. В применении к человеческому, субъектному зачастую носит характер индивидуального: «...Переводчики не увидели Бодлэровского *specificum* – ни в форме его стихов, ни в теме: последняя представлялась им близкой к привычной теме Некрасова, только в его городской вариации» [19 с. 665]. Зачастую *specificum* – именно та грань, которая отделяет человека от вещи и человеческое, субъективное – от вещного, предметного: «...Современный портрет большей частью есть только *nature-morte* с живого человека, как может быть *nature-morte* с яблока, с утюга, с самовара: человек здесь утеривает всяческое свое *specificum* и вполне живописно-методологически, приравнивается к утюгу, самовару и, хорошо, если к яблоку или арбузу» [18 с. 556];

c) *correspondances* (франц.) – соответствия. Название знаменитого сонета Ш. Бодлера, вошедшего в цикл «Цветы зла». И во французском, и в русском вариантах написания «соответствия» (иногда в единственном, но чаще – во множественном числе) – один из ключевых терминов дурылинской онтологии и эстетики, обозначающий формы и способы проекций друг на друга различных слоев бытия, различных сфер культуры и, наконец, человека и мира: формы и способы символизации: «...Был ли абрамцевский пейзаж “нестеровским” до Нестерова и “нестеровское” в приро-

де – это только “абрамцевское”, лишь впервые творчески явленное Нестеровым? <...> Это – прекрасная и неразгаданная тайна неизъяснимых *соответствий* (здесь и далее – курсив мой. – А. Р.) и священных искусств и природы» [18 с. 584]. Во многом поиск (и обнаружение) таких соответствий зависит не от объекта в его установленных выше онтологических градациях (*realia / realiora / ens realissimum*), а от субъекта, личности, человека, от его способностей и стремления. В случае, когда соответствие обнаружено и явлено в своем *specificum*, происходит во-пложение символа:

«...познание не есть расторжение некоторой целостности, как познание научное, а есть, наоборот, возведение «бывающего» до целостности сущего. Улыбки в жизни случайны и мгновенны, но загадочная леонардовская улыбка не случайна, и к ней будем мы приравнивать встречную улыбку и искать *соответствия* или *несоответствия* ее таинственно-образной существенности, полагая саму эту улыбку познавательным признаком. Боттичеллиевские девушки и юноши, *теперь*, после Боттичелли, суты: встречаются в жизни, отмечаются нашим наблюдением и сознанием: их «я есмь» жизненно-действенно для нас, ведет свое происхождение от образа им созданного» [18 с. 599].

Это – ответ на вопрос, на который не ответил Иванов: как, через кого или с помощью чего «плоть мира» – *realia* воспримлет высшие слои бытия, которые «сквозят и тайно светят»? Никаких конкретных указаний, кроме указания на ключевой для символистов текст – бодлеровский сонет «Correspondance», – Вяч. Иванов не дает. Как и не приводит ни в «Двух стихиях», ни в «Symbolismo» *поэтического* перевода этого сонета (а поэтический перевод, в отличие от дословного прозаического пересказа или подстрочника, – всегда интерпретация, всегда манифестация субъективного). Зато его приводит Дурылин в «Бодлере в русском символизме» в переводе своего друга Эллиса.

<<...> Подлинным “Ars poetica” и “lex poetica” русского символизма являлся сонет Бодлэра “Correspondances” – “Соответствия”:

Природа – строгий храм, где строй живых колонн –
 Порой чуть внятный звук украдкой уронит;
 Лесами символов бредет, в их чашах тонет
 Смущенный человек, их взглядом умилен.
 Как эхо отзвуков в один аккорд неясный,
 Где все едино, свет и ночи темнота,
 Благоухание, и звуки, и цвета
 В ней сочетаются в гармонии согласной.

В это глубокое учение о “Соответствиях” – в это Sancta sanctorum Бодлэра – “кружок Крахта”, выразивший и завершивший третью пору русского бодлэрианства, – внес свой дар: он потребовал, чтобы *сам человек*¹², бредущий на земле по “лесу символов”, взыскал своего собственного духовного “соответствия” (correspondances) этому таинственному “лесу символов” – и чтобы его личность “в гармонии согласной” сочеталась с этими “благоуханиями, и звуками, и цветами» [19 с. 683–684].

Это очень важная поправка. Это – выход за рамки дихотомии «реалистический и субъективистский символизм», которой почти до конца своих дней придерживается Вяч. Иванов. О чем здесь идет речь? – О том, что символ приобретает антропологическое измерение. Человек здесь становится таким же символом, таким же деревом, таким же звуком, такой же частью гармонии. Это – путь к совершенно новой антропологии. Другое дело, что такой антропологии Дурылин не построил (есть только наметки в работах 1920-х годов): человек, «я» эмпирическое, находится в вечном колебании между двумя полюсами, между ангелом и бесом, между предельными проекциями своего трансцендентного «Я».

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17–04–00362а «Материалы по истории русской критики конца XIX – начала XX века (персоналии)».

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 17–04–00362a «Materials on the history of Russian critics of the late XIX – early XX century (personalities)»

Литература

1. *Дурылин С.Н.* Об одном символе у Достоевского. Опыт тематического обзора // Достоевский: Труды Государственной Академии Художественных наук. Литературная секция. Вып. 3. М.: ГАХН, 1928. С. 163–199.
2. *Дурылин С.Н.* Об одном символе у Достоевского. Опыт тематического обзора // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 776–803.
3. *Резниченко А.И., Резвых Т.Н.* Комментарии // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920-х годов / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 814–892.

¹² Курсив Дурылина.

4. *Визгин В.П.* Дурылин как философ // С.Н. Дурылин и его время. Материалы и исследования. Кн. I: Исследования / сост. А.<И>. Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. С. 189–193.
5. *Магомедова Д.М.* Теория символа у русских символистов // Миргород: История современного литературоведения, его эпистемологии и междисциплинарности. Lausanne: Section de langues et civilisations slaves de l'Univ. de Lausanne; Siedlce: Inst. neofilologii i badań interdyscyplinarnych Uniw. przyrodniczo-humanistycznego w Siedlcach, 2014. S. 9–36.
6. *Иванов В.И.* Две стихии в современном символизме // Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 536–561.
7. *Глухова Е.В.* Письмо Андрея Белого к Вячеславу Иванову о докладе «Две стихии в современном символизме» // Из истории символистской журналистики: «Весы» / отв. ред. Д.А. Завельская, И.С. Приходько. М.: Наука, 2007. С. 118–126.
8. *Глухова Е.В.* Комментарии // Вяч. Иванов: Pro et contra. Антология. Т. 1. СПб.: РХГА, 2015. С. 781–791.
9. *Иванов В.И.* Гёте на рубеже двух столетий // Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 111–157.
10. *Иванов В.И.* Symbolismo. Символизм // Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 652–669.
11. *Дешарт О.* [Шор О.А.]. Комментарии // Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 820.
12. *Флоренский П.А.*, свящ. Мысль и язык. 7. Имеславие как философская предпосылка // Флоренский П.А., свящ. Соч.: в 4 т. Т. 3 (1) / ред. игум. Андроник (А.С. Трубочев). М.: Мысль, 1999. С. 252–287.
13. *Иванов В.И.* Экскурс I. О Верлене и Гейсмансе // Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 562–565.
14. *Маритен Ж.* Искусство и схоластика // Маритен Ж. Избранное: величие и нищета метафизики / отв. ред. и сост. Р.А. Гальцева. М.: РОССПЭН, 2004. С. 445–550.
15. *Maritain J.* Art et Scolastique. Paris: La librairie del l'art catholique, 1920.
16. *Гидини М.К., Шишкин А.Б.* Два письма Вячеслава Иванова к Жаку Маритену // Русская литература. 2006. № 3. С. 157–162.
17. *Дурылин С.Н.* Александр Добролюбов // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 685–735.
18. *Дурылин С.Н.* Преподобный Сергей Радонежский в творчестве Нестерова // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 565–649.
19. *Дурылин С.Н.* Бодлер в русском символизме // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 664–684.
20. *Дурылин С.Н.* Репин и Гаршин. Из истории русской живописи и литературы // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 736–756.

References

1. Durylin SN. About the one symbol in Dostoevskii. The Thematic review essay. V Dostoevskii. Proceedings of the State Academy of Fine Arts. Literary section. Issue 3. Moscow: State Academy of Fine Arts Publ.; 1928. p. 163-99. (In Russ.)
2. Durylin SN. About a Symbol in Dostoevskii. The Thematic review essay. V: Reznichenko AI., Rezvykh TN., comp., intr. article and comm. Durylin S.N. Articles and studies of 1900–1920. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ.; 2014. p. 776-803. (In Russ.)
3. Reznichenko AI., Rezvykh TN. Commentary V: Reznichenko AI., Rezvykh TN., comp., intr. article and comm. Durylin S.N. Articles and studies of 1900–1920. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ.; 2014. p. 814-92. (In Russ.)
4. Vizgin VP. S.N. Durylin as a philosopher. V: Reznichenko A., comp. S.N. Durylin and his time. Materials and studies. Vol. 1. Studies. V: Reznichenko A.I, comp. Moscow: Modest Kolerov Publ.; 2010. p. 189-93. (In Russ.)
5. Magomedova DM. Theory of symbol in Russian symbolists. V: Mirgorod. History of the contemporary literary criticism, its epistemology and interdisciplinarity. Lausanne: Section de langues et civilisations slaves de l'Univ. de Lausanne; Siedlce: Inst. neofilologii i badań interdyscyplinarnych Uniw. przyrodniczo-humanistycznego w Siedlcach, 2014. s. 9-36. (In Russ.)
6. Ivanov VI. Two elements in contemporary symbolism. V: Ivanov DV., Deshart O., eds. Ivanov Vyach. Collected works. In 4 vols. Vol. 2. Bruxelles, 1974. p. 536-61. (In Russ.)
7. Gluhova EV. Andrei Bely's letter to Vyacheslav Ivanov about the report "Two elements in contemporary symbolism". V: Zavel'skaya DA., Prikhod'ko IS., eds. From the History of Symbolist Journalism: "Vesy". Moscow: Nauka Publ.; 2007. p. 118-26. (In Russ.)
8. Gluhova EV. Commentary. V: Vyach. Ivanov: Pro et contra. Anthology. Vol. 1. Saint-Petersburg: RKhGA Publ.; 2015. p. 781-91. (In Russ.)
9. Ivanov VI. Goethe at the turn of the two centuries. V: Ivanov DV., Deshart O., eds. Ivanov Vyach. Collected works. In 4 vols. Vol. 4. Bruxelles, 1987. p. 111-57. (In Russ.)
10. Ivanov VI. Simbolismo. Symbolism. V: Ivanov DV., Deshart O., eds. Ivanov Vyach. Collected works. In 4 vols. Vol. 2. Bruxelles, 1974. p. 652-669. (In Russ.)
11. Deshart O. [Shor OA.]. Commentary. V: Ivanov DV., Deshart O., eds. Ivanov Vyach. Collected works. In 4 vols. Vol. 2. Bruxelles, 1974. p. 820. (In Russ.)
12. Florenskii PA. Thought and language. 7. Name Glorifying as a philosophical premise. Florenskii PA., Pr. Writings in 4 vols. Vol. 3 (1). (Andronnik (Trubachev AS) hegumen, ed. Moscow: Mysl' Publ.; 1999. p. 252-87. (In Russ.)
13. Ivanov VI. Excursus I. About Verlaine and Huysmans. V: Ivanov DV., Deshart O., eds. Ivanov Vyach. Collected works. In 4 vols. Vol. 2. Bruxelles, 1974. p. 562-65. (In Russ.)
14. Maritain J. Art and scholasticism. V: Maritain J. Selected Works. The greatness and poverty of metaphysics. Gal'tseva RA., ed., comp. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2004. p. 445-550. (In Russ.)
15. Maritain J. Art et Scolastique. Paris: La librairie del l'art catholique, 1920.
16. Gidini MK., Chichkine AB. Two letters from Vyacheslav Ivanov to Jacques Maritain *Russkaya literatura*. 2006;3:157-62. (In Russ.)

17. Durylin SN. Alexandr Dobrolyubov. V: Reznichenko AI., Rezvykh TN., comp., intr. article and comm. Durylin S.N. Articles and studies of 1900–1920. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ.; 2014. p. 685-735. (In Russ.)
18. Durylin SN. St. Sergius of Radonezh in the works of Nesterov. V: Reznichenko AI., Rezvykh TN., comp., intr. article and comm. Durylin S.N. Articles and studies of 1900–1920. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ.; 2014. p. 565-649. (In Russ.)
19. Durylin SN. Baudelaire in Russian symbolism. V: Reznichenko AI., Rezvykh TN., comp., intr. article and comm. Durylin S.N. Articles and studies of 1900–1920. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ.; 2014. p. 664-84. (In Russ.)
20. Durylin SN. Repin and Garshin. From the History of the Russian Painting and Literature. V: Reznichenko AI., Rezvykh TN., comp., intr. article and comm. Durylin S.N. Articles and studies of 1900–1920. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ.; 2014. p. 736-56. (In Russ.)

Информация об авторе

Анна И. Резниченко, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; annarezn@yandex.ru

Information about the author

Anna I. Reznichenko, Dr. in Philosophy, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; annarezn@yandex.ru